

ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ СЕМИНАР СЕКТОРА ЭТИКИ

7 декабря 2017 – 14:00

Санжеников Александр Афанасьевич

Метафизика Аристотеля как основа его этики

В докладе будут рассмотрены современные подходы к проблеме выявления метафизических оснований этики Аристотеля, затем будут высказаны критические замечания и предложен альтернативный взгляд.

В самом начале «Никомаховой этики» Аристотель выдвигает два важных тезиса:

(1) Существует некое наивысшее благо человека, называемое счастьем (*eudaimonia*).

(2) Счастье человека сводится к выполнению его собственной функции или специфической деятельности (*ergon*).

С точки зрения Теренса Ирвина (Terence Irwin), Аристотель не мог обосновать эти тезисы исключительно средствами доступными в рамках самой этики [Irwin 1980]. Для этого ему необходимо было предварительно разработать учение о сущности и форме в рамках метафизики. По Аристотелю, любая вещь есть то, что она есть поскольку она имеет форму [Irwin 1980, 37]. Душа – есть форма человека, а разумная часть души есть видовое различие человека. Поэтому в статус сущности человека и его формы Аристотель возводит стремление человека к собственному благу в виде разумной деятельности (DA 414b32-415a13).

Эд Халпер (Ed Halper) также обращается к понятиям «сущность» и «форма» для разъяснения этики Аристотеля. На основании средних книг «Метафизики», Халпер заключает, что форма – это функция, которая объединяет материальные части, и тем самым является их актуальностью (*Met. Z.17, H.6*). «Например, – пишет Халпер, – плоть, кости и сухожилия и прочее конституируют единое человеческое существо, поскольку они функционируют совместно, они действуют как единое целое. Это совместное функционирование является актуальностью, которая определяет природу сущности и, что более важно, и *есть* сама по себе сущность: сущность это совместное функционирование частей» [Halper 1995, 4–5].

Халпер полагает, что у нас есть *два* кандидата на роль унификаторов – «это может быть либо теоретический, либо практический разум» [Halper 1995, 13], ибо они оба являются совершенствами разумной души. В самом деле, разумная часть души, по Аристотелю, двусоставна: в ней выделяется *эпистемическая* (собственно разумная) часть и *логистическая* (рассчитывающая), ответственная за принятие решений. Актуализация этих частей приводит к развитию двух разных добродетелей – *мудрости* (*sophia*) и *рассудительности* (*phronesis*).

Следовательно перед нами встает дилемма о том, как совместить тезис о душе как форме, которая актуализирует сущностные способности человека с положением о двух совершенствах человеческой души? Самым очевидным решением этой дилеммы будет установить соподчинение. Так, некоторые исследователи полагают, что *phronesis* выступает материей для *sophia*, которая в свою очередь является формой (См. напр.: [Sim 1995]). Но это значит, что одна из актуальностей наибольшим образом репрезентирует человека, нежели другая, с чем мы не можем согласиться. Если же мы оставим две формы,

в которых реализуется человеческие видовые характеристики, то мы лишимся единого понятия о человеке.

Только что описанные затруднения свидетельствуют о том, что учение о сущности и представление о счастье в философии Аристотеля не следует связывать напрямую. Представляется, что эссенциальное измерение философии Аристотеля не пересекается с морально-этическим измерением и идеей *эвдемонии*. Главная проблема эссенциального подхода состоит в том, что его сторонники делают чрезмерный акцент на бытии человека, тем самым, они переводят моральный дискурс в онтологический. Наша же задача, состоит в том, чтобы усмотреть в метафизике Аристотеля положения значительные для его этики, но ни в коем случае не редуцировать этику к метафизике и онтологии. Мы полагаем, что этой задаче наиболее соответствует такое понятие, как *энергия*.

Прежде чем переходить к разработке *энергийного* подхода, приведем некоторые справочные сведения об *energeia* в корпусе Аристотеля. Самый базовый и ранний смысл *energeia* сводится к деятельности, которая понимается как реализация способности в отличие от простого обладания этой способностью (*δύναμις*) [Брэдшоу, 2012. С. 26]. Другой смысл *energeia* выстраивается в противопоставлении с *kinēsis* (действия, имеющие своей целью нечто помимо себя). Различение *kinēsis* и *energeia* имело огромное значение для практической философии Аристотеля, что видно буквально из первых страниц «Никомаховой этики», где постулируется, что наивысшее благо человека должно быть совершенным и самодостаточным, а значит быть тем, что преследуется *само по себе и ради него самого*. Таковой может быть только *energeia* согласная с добродетелью, поскольку добродетельные поступки совершаются не ради внешних результатов и целей, но ради самих себя. «Дело в том, что принципы поступков (*αἱ ἀρχαὶ τῶν πρακτῶν*) – это то, ради чего они совершаются, но для того, кто из-за удовольствия или страдания развращен, принцип немедленно теряет очевидность, как и то, что всякий выбор и поступок надо делать ради этого принципа и из-за него. Действительно, порочность уничтожает [именно] принцип» (EN 1140b16–20).

Здесь следует отметить, что если мы принимаем в расчет только первое различие (*energeia / dunamis*), то мы остаемся на уровне эссенциального подхода, от которого мы выше отказались. *Energeia* в рамках этой схемы есть аналог сущности. В самом деле, разве не будет сущностью нечто, позволяющее чему-либо обрести собственное бытие? А именно это делает *energeia*. Поэтому оппозиция возможность / действительность в «Метафизике» связана с сущностью, причем сущностью чувственно воспринимаемых вещей. Поскольку материя есть сущность в возможности, а форма есть осуществление сущности чувственно воспринимаемых вещей, а вместе они есть чувственная вещь (составная сущность), постольку мы имеем три рода сущностей (Met. VIII 2). Но когда мы говорим об *energeia* как о деятельности, цель которой имманентна этой деятельности, мы уже переходим на другой уровень, где возможность играет не столь важную роль (ибо о какой возможности можем мы вести речь, когда перед нами чистая актуальность, которая не исходит из чего-то, что ей предшествовало, и что ее предваряло).

Второй смысл *energeia* связан не с онтологией Аристотеля, а с его теологией. И именно этот смысловой аспект *energeia* наиболее четко обрисовывает в этике Аристотеля именно *этический* план, показывая, что добродетельная деятельность сама себе довлеет.